Второе рождение

«ЧАЙКИ»

Есть у нас много хороших спектаклей и балетов, но не так часто происходят настоящие большие события — спектакли, которые прокладывают в искусстве новые пути.

Таковыми балетами явились в свое время «Ромео и Джульетта», «Спартак», «Ангара», «Анна Каренина», «Кармен-сюита».

К таким балетам-открытиям можно отнести и «Чайку». Теперь стало ясно, что балерина XX века должна кроме техники обладать большим драматическим талантом. Балет это не только точно и виртуозно исполненные па, пируэты, фуэте и воздушные прыжки, это передача языком танца тончайших переживаний и движений человеческой души, которые могут быть не менее выразительны, чем слова в драматическом спектакле. «Чайка» это доказала.

Балетный спектакль раскрыл (не менее, чем в свое время Художественный театр) позицию чеховской пьесы, а Майя Плисецкая поднялась в нем до высот настоящей трагедии. Необычайно разнообразна ее пластика и ее руки. Они могут выразить и передать все.

Раскрытию поэзии, обаянию в этом спектакле помогают все его компоненты. Очень современна музыка Родиона Щедрина. Я не представляю себе другой музыки для спектакля «Чайка». Это симфония — и ее хочется слушать и отдельно, так, как слушают симфонию.

Но особенно хочется говорить о художнике В. Левентале и о его верном соратнике и исполнителе Е. Проскуриной, которые создали такую блестящую образную «действительность», а не оформление, как говорят обычно в таких случаях.

Озеро живет и дышит, меняет свое настроение и является одним из главных дей-

ствующих лиц спектакля, а в последнем акте помогает созданию атмосферы трагедии. Серые тона, обрывки растерзанного ветром занавеса для спектакля Треплева на фоне темного вечернего озера производят сильное впечатление.

Серый костюм Плисецкой в этом акте с ниспадающими складками волнует своей образностью. Костюмы вообще очень удачны. Они передают характеры, сохраняют стиль эпохи и, вместе с тем, это легкие, именно балетные костюмы.

Занавес, который неожиданно опускается во время действия, решен в виде монтажа огромного размера газет того времени с критическими статьями о «Чайке». А на фоне занавеса толпятся зрители в серо-бристо-серых с черным костюмах, активно выражающие жестами свое неприятие нового. Блестящая находка не только либреттистов, но и балетмейстера и художника.

На фоне традиционно балетного, но очень хорошо написанного озера некоторые условные детали — спускающаяся на канате с самого верха зажженная люстра, качели, деталь окна, или гостиная без стен и дверей — придают особую свежесть и современное звучание спектаклю.

Хочется сказать и о ритме спектакля, замедленном, как в сновидении, как бы снятом рапидом. Кажется, будто ты сама, читая Чехова, погружаешься в этот мир замедленного существования персонажей, где одна только «Чайка», свободная и вольная, преодолев свою личную трагедию, взлетает ввысь.

Я никогда не видела такого, как в этом балете, полного слияния художника, композитора и исполнителей.

М. ЛЕНТУЛОВА.

Мск. художник, 1980, Число 2